

19-20

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

1938
КОГИЗ

Былины Севера

Русский Север всегда привлекал к себе напряженное внимание фольклористов. Север постоянно был местом, откуда фольклористы черпали лучшие образцы русского народного эпоса. Эпические богатства Севера буржуазные фольклористы объясняли по-своему—косностью и консерватизмом сознания населения, отсутствием «тлетворного» влияния города и городской культуры, особенностями северной природы и т. д. Фольклор и грамотность, фольклор и город, фольклор и железная дорога казались несовместимыми. Фольклористы выбирали для своих сборов самые захолустные уголки с населением наименее грамотным.

Ошибочность этого взгляда ясна—севернорусские губернии никогда не были наиболее «темными» губерниями царской России. Грамотность в этих местах часто была распространена значительно больше, чем даже в центральных местностях. В течение нескольких веков русский Север подвергался сильному культурному влиянию свободолобивого Великого Новгорода, наложившего на население свой отпечаток. Одним из признаков относительной культурности населения русского Севера могло служить большое распространение в северных губерниях ремесл и промыслов. Но особое значение для развития и закрепления на Севере былинной традиции имела, повидимому, слабость крепостнических отношений.

Обильное количество былин, собранное на Севере во второй половине XIX века Рыбниковым и Гильфердингом, а затем Григорьевым, Марковым, Ончуковым и др., служит доказательством высокого уровня национальной культуры севернорусского крестьянства, бережно охранявшего величайшие памятники творчества русского народа.

Буржуазные фольклористы утверждали, что современные былины представляют собой лишь искажение древних былин, бытовавших среди населения. Русский народ буржуазными фольклористами изображался не как творец своего эпоса, а лишь его пассивным передатчиком, в конечном счете — искажителем. Советская наука опрокинула все эти «теории» буржуазных фольклористов.

Начиная с 1926 г. рядом экспедиций были обследованы былинные районы нашего Севера, частично те, в которых производили свои записи дореволюционные собиратели. Экспедициями этими совершенно точно установлено, что ни о каком «вырождении» былинной традиции не может быть и речи, что налицо обогащение былин новыми вариантами. Героические былинные образы продолжают жить полноценной, полнокровной жизнью. Былинные сюжеты не превратились в застывшие, окаменевшие, механически передаваемые формулы, как это утверждали буржуазные фольклористы. Искякшее кой-где еще в былых условиях капитализирующейся деревни, былинное творчество за годы Великой Октябрьской социалистической революции получило новые толчки к своему развитию, создав новые по качеству произведения.

Выпускаемая Фольклорной комиссией Института этнографии Академии наук СССР книга А. М. Астаховой «Былины Севера» посвящена результатам этих советских экспедиций за 1926—1935 гг. В книгу вошли материалы, собранные комплексными искусствоведческими экспедициями 1926—1929 гг., организованными б. Государственным институтом истории искусств, и экспедициями 1931—1935 гг. Фольклорной комиссией Института этнографии Академии наук и Карельского научно-исследовательского института.

Работа шла по двум основным линиям. С одной стороны, прослеживалась судьба былинной традиции, эволюция эпоса, сдвиги репертуара, трансформация самих былин и т. д. в тех местах, в которых материал собирался прежними исследователями. Экспедициям удалось сделать записи не только от преемников—учеников старых исполнителей, но и повторные записи от тех же самых сказителей. С другой стороны, были произведены записи в районах, не охваченных прежними собирателями, как средняя и северная части Шуньгского полуострова, пинежские деревни выше Верколы, верховья Мезени, некоторые деревни Усть-Цылемского района, западный берег Белого моря и др.

Экспедициями Института истории искусств было записано 210 текстов и зафиксировано на фонограф 45 былинных напе-

вов. Карельскими экспедициями записано более 130 текстов и зафиксировано на фонограф 37 напевов.

В сборник включены лучшие, наиболее полные и художественные варианты былин и варианты, заключающие какие-либо моменты и в общей трактовке сюжета и в передаче отдельных образов и мотивов, вскрывающие характерные черты жизни и развития эпоса на Севере.

Варианты представляют большую ценность. Тексты мезенских сказителей М. Г. Антонова и А. И. Палкина, М. В. Семенова, печорца В. П. Носова, прионежских сказительниц А. В. Коломаевой, А. Н. Корешковой и др. при полной выдержанности эпических образов часто отмечены большим своеобразием в комбинировании и использовании мотивов и печатью индивидуального мастерства. Былина о Дюке печорского сказителя В. П. Носова оказывается почти вдвое больше варианта одного из хороших дореволюционных сказителей П. Р. Поздеева и значительно художественнее. Тексты Н. С. Богдановой по сравнению с ее же вариантами 1900-х гг. развертывают и совершенствуют художественные описания и т. д.

Дальнейшее развитие получил русский героический эпос, пронизанный идеей защиты родины от нападений и насилий врагов. Оборонительная тематика как отличительная черта русского героического эпоса, отмеченная в свое время еще Добролюбовым, сыграла, повидимому, выдающую роль в решающие моменты русской истории. В этих былинах воплотились народные идеалы несокрушимой силы и храбрости богатырей, защитников родины. Показательно, что именно этот героический эпос любовно разрабатывается в наше время. Усиленно культивируется героический образ «крестьянского сына» Ильи Муромца.

Сказители обращают в своих былинах все больше внимания на социальные характеристики героев, на сатирические элементы и т. д.

Параллельно с подчеркиванием крестьянского, бедняцкого происхождения любимых народных героев-богатырей быliny советской записи всячески высмеивают и разоблачают бояр «кособрюхих».

«Толстобрюхие бояра, они подмолщики,
Подмолщики они да подговорщики,
Соврать-солгать, прибавить, растрой сде-
лати»,

Часто вводятся новые социальные мотивировки действия. В былине о «Добрыне и Алеше» выразительна мотивировка вынужденного согласия Настасьи Микуличны выйти за Алешу Поповича:

«Под боярином жить да будто—под чер-
том,

Лучше итти мне за Олешеньку взаму-
жество».

Дальнейшее развитие и усиленное распространение получают наиболее острые, социально насыщенные варианты былин.

Один из интереснейших и принципиально важных вопросов, связанных с былинным творчеством позднейшего периода, — это вопрос о сказителе, о его отношении к своему мастерству, о различных типах и проявлениях сказительского искусства. Особенно развился в советское время тип сказителя-импровизатора, сказителя-творца, таких, как М. С. Крюков, П. И. Рябинин и др. Собранный в сборнике материал значительно расширяет наблюдения и в этой области.

В целом записи, опубликованные в книге А. М. Астаховой, дают материал для интереснейших обобщений в самых различных направлениях. Книга А. М. Астаховой наглядно свидетельствует о необычайном расцвете народного творчества на нашем Севере. В полной мере осуществляется то, о чем писал А. М. Горький: «Нам следует твердо признать и помнить, что художественное творчество масс не исчезло, не убито веками подневольной, каторжной работы... Нам надобно признать, что способность трудовых масс к образному творчеству снова возникает и должна возникнуть, ибо революция освобождает человека не только социально, физически, но и эмоционально, «интеллектуально».

Книга А. М. Астаховой «Былины Севера» явится крупнейшим вкладом в советскую фольклористику. Всего в книге публикуются 92 былины. Книга выходит под редакцией М. К. Азадовского.

Д. Лихачев